

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Как настраивают струны скрипки, так и человеческую душу он настраивал на молитвенный лад. Памяти схиархимандрита Тихона (Муртазова)

Источник: [Монастырский вестник](#)

И встает перед глазами эпоха

Отцу Гермогену в пору его жизненного выбора и становления довелось получать духовные советы людей, имена которых не просто находят живой отклик в сердцах наших верующих современников, – они вызывают благоговение. В годы учебы в Саратовской семинарии быть иподиаконом у митрополита Вениамина (Федченкова) – высокообразованного архипастыря, талантливое духовное писателя, умудренного опытом долгого и непростого, как и сама его эпоха, церковного пути. Получить благословение на поступление в Московскую духовную академию в Троице-Сергиевой Лавре от прославленных подвижников – старца Кукши Одесского и архимандрита Тихона (Агрикова). Иметь наставником и духовным отцом иеросхимонаха Сампсона (Сиверса), перед кончиной передавшего свое духовное чадо на попечение архимандрита Иоанна (Крестьянкина)... За каждым именем – живая церковная

история, с ее трагизмом и святостью, непоколебимый фундамент веры, благодаря которому в наши дни возрождается религиозная жизнь, восстанавливаются утраченные традиции.

Но истоки того, что Александр Муртазов, будущий отец Гермоген и схиархимандрит Тихон, избрал путь служения Богу и прошел его самоотверженно, надо искать в его детстве и юности. Может, искорка вспыхнула в его душе, когда мама (полуграмотная, но воцерковленная женщина, «с хорошим голосом», как писал батюшка в своих воспоминаниях) работала лесником, и он, мальчишка, бегал и собирал в их дом народ для совместной молитвы? А пламя из этой искорки, судя по всему, ярко разгорелось после его демобилизации из армии. Вернувшись в Чистополь (в Татарстане), где их семья купила домик на паях со старенькими монахинями, изгнанными из Чистопольского монастыря, молодой человек прислушался к совету матушек поступать в духовную семинарию, с их помощью стал готовиться и – поступил.

Рассказ о батюшке Гермогене продолжает его родной брат, иеродиакон Никон – иконописец, писатель, певчий, проживающий ныне в Иоанновском ставропигиальном женском монастыре в Санкт-Петербурге.

Иеродиакон Никон (Муртазов):

В детстве меня одолевали болезни, и поначалу я находился в деревне с бабушкой. А потом настолько серьезно заболел, что меня отправили лечиться в санаторий. Пробыл там пять лет, вступил в комсомол и – какой дурак! – написал Саше, служившему в то время в армии, письмо, что вернусь из санатория, и мы будем вместе нашу маму воспитывать, чтобы она забыла про церковь. Саша, будущий архимандрит Гермоген, на четыре года старше меня. В ответном письме он крепко меня отругал, но когда мы встретились, то никаких упреков я больше от него не услышал. Потому что любвеобильный он был, всех прощал. Спустя годы мы с мамой купили дом в Печорах и жили бедно, почти впроголодь. И вот ей приснился удивительный сон. Идет Иоанн Креститель с палкой, в шубе, говорит ей: «Ты мне в детстве молилась, а теперь не молишься». Она припомнила, что в селе, где мы родились, это недалеко от Чистополя, был источник в честь святого Иоанна Предтечи, куда люди ходили крестным ходом.

а от умиления: ее детское сердечко
п ее во сне святой. А о батюшке, отце
ником.

Когда брата назначили служить в

Эстонию и вроде бы «временно» – духовником в Пюхтицкий женский монастырь, помогать отцу Петру (Серегину), это «временно» растянулось почти на три десятилетия. Благодатный был батюшка отец Петр, высокой духовной жизни! После каждой Литургии обязательно проповедь скажет – и так проникновенно, что все плакали. Потом по состоянию здоровья он ушел за штат и незадолго до

кончины принял монашеский постриг. А отец Александр (в Пюхтице он был пострижен в монашество с именем Гермоген – в честь святителя Гермогена, Патриарха Московского) остался в обители единственным клириком. Более того: был и духовником, и благочинным, имел 13 приходов. Вот какая нагрузка на него легла! В воспоминаниях брата можно прочитать, что монастырей тогда было мало, и люди к ним ехали в большом количестве. Не было ни одной епархии, которую бы там не знали через паломников!

Отец наш погиб еще в начале войны – в Торопце Тверской области, так что моему старшему брату с детства пришлось много работать. И потом, невзирая на немощи, служить и служить... Движимый любовью к Богу, он любил и людей и старался им всячески помогать – физически, нравственно, материально. Мог отдать человеку последнее. И молитва у него была сильная... Как люди плакали, когда прощались с ним!

Эстония. Пюхтица. До боли родной монастырь

Действительно, нагрузка была такая, что в Печорах, куда после отделения прибалтийских республик батюшка уехал по благословию старца Иоанна (Крестьянкина), врачи его еле выводили. Однако воспоминания отца Гермогена о том этапе жизни в монастыре, когда будущий Патриарх Алексей II поставил на игуменское служение деятельную матушку Варвару (Трофимову), самые теплые. Прежде, по словам отца Гермогена, монастырь был провинциальным, а потом стал центром притяжения. О знакомстве с батюшкой и его служении в Пюхтицком монастыре рассказала еще одна наша собеседница.

Игуменья Людмила (Волошина), настоятельница Иоанновского ставропигиального женского монастыря на Карповке в Санкт-Петербурге:

Мы с сестрой познакомились с батюшкой в 1972 году. Он служил тогда в Пюхтицком монастыре и был духовным чадом иеросхимонаха Сампсона (Сиверса), который был и нашим духовником. Отец Александр (так звали батюшку до пострига) вел переписку с отцом Сампсоном, а мы по благословению старца ездили в Пюхтицы и возили письма. Нам нравилось в монастыре, позднее мы стали проводить на послушаниях свой отпуск, а в 1979 году, после кончины нашего духовника, поступили в монастырь. Перед своей смертью старец Сампсон передал нас батюшке, сказав, что мы будем его духовными чадами.

Отец Александр, в монашеском постриге – Гермоген, был необыкновенным человеком. Он ежедневно бывал на службах, каждый день после Литургии служил водосвятный молебен. Казалось, он никогда не уставал. Пюхтицкий монастырь посещало много паломников, и батюшка подолгу занимался с людьми, исповедовал, крестил, венчал. Он жертвовал своим временем, никому не отказывая. К нему приезжали из Таллина, Риги, Вильнюса. Многих эстонцев – и простых, и высокопоставленных — он привел к Православию и крестил. К батюшке обращались также военные, и благодаря его духовным наставлениям приходили к вере и принимали Таинство Крещения. Он ездил к пограничникам,

освящал казармы.

Позднее, когда отец Гермоген стал служить в Снетогорском монастыре Псковской епархии, его духовные чада из Эстонии продолжали ездить к нему.

Отцу Гермогену Промысл Божий определил быть духовником в женской обители – сначала в Пюхтицах, потом в Снетогорском монастыре. Возможно, это самое тяжелое послушание для священнослужителя. Как некоторые говорят, год за два идет. Женский характер сложный – нужно всех умиротворить, чтобы каждая сестра получила утешение. Батюшка никогда не раскрывал тайну исповеди – просто знал, как можно увещевать, чтобы это было поучительно для той или иной сестры. Он знал ситуацию изнутри и мудро наставлял сестру, какие шаги ей следует предпринять, чтобы произошло примирение с другой сестрой, наладились отношения, воцарился мир. Главное, что его отличало, это терпение и смирение. Он молитвенный был. В этом ему хочется подражать и делать так, как он делал. Батюшка воспитал нескольких игумений. Он учил монашествующих быть готовыми в любое время совершать монашеское правило, исповедоваться тщательно (чтобы «запись совести» была), ходить в страхе Божиим, и чтобы всегда была память смертная. На всенощную под воскресенье и на воскресной Литургии просил всех быть на службе, если только серьезный недуг не помешает. Сам он свою болезнь перед кончиной переносил стойко и даже в последние дни земной жизни находился в живом общении со многими. Продолжал оставаться для всех утешителем, болезнь его нисколько не изменила. Претерпевая боль, он отвечал и отвечал на вопросы людей. И постоянно был в молитве.

Вытащить «шпильку» из души!

Духовническое служение в женских монастырях – этот сугубый для священнослужителя крест – архимандрит Гермоген нес почти полвека. Как вспоминает его младший брат иеродиакон Никон (Муртазов), после возвращения отца Гермогена из Эстонии в Печоры батюшке позвонил его однокурсник по Московской духовной академии, в то время возглавлявший Псковскую епархию владыка Евсевий (сейчас на покое), и попросил: «Выручай меня! У меня открылся Снетогорский женский монастырь. Дисциплины там нет, выручай!» И отец Гермоген тут же откликнулся на просьбу сокурсника – поехал и служил там до конца жизни. Даст Бог, пережив боль утраты, сестры этой обители смогут написать воспоминания о своем духовном наставнике и заботливом благоустроителе их монастыря, а сейчас мы предоставляем слово монахиням, знавшим батюшку по «пюхтицкому периоду».

Монахиня Димитрия, насельница Иоанновского монастыря на Карповке:

Батюшка ревностно и внимательно относился к сестрам обители. Однажды болезнь меня так подкосила, что я целый месяц не поднималась с постели. И отец Гермоген приходил ко мне в келью с доктором, с матерью Иринеей. Меня как-то усаживали – батюшка исповедовал и причащал. Иногда боль была особенно сильной. Он и тогда приходил, читал молитвы, после чего в келье делалось хорошо. Дальше я уже могла молиться сама... Своими молитвами он мог не только отогнать уныние в болезни, но и придать бодрости монашеской жизни. Дух у него такой был. Еще батюшка твердо стоял на том, что от послушания нельзя отказываться, его нужно смиренно нести. «С креста не сходят – с креста снимают», – его слова. Нам, пюхтицким сестрам, он давал свои записи, которые надиктовал: как себя вести, как есть, как спать, как молиться, как креститься, как относиться друг к другу и к духовному отцу, как исповедоваться. Направлял нас. Что еще вспоминается: батюшка учил меня все правила записывать и ставить крестики, что исполнила, что не смогла исполнить. Я ему как-то сказала: «Батюшка, да из этих крестиков-то будет кладбище!» – «Пусть будет кладбище, – ответил он. – А я буду отмечать». Он не собирал нас всех вместе, а назначал сестре время, когда та должна прийти к нему для беседы. Сестра приходила и, допустим, в связи с каким-то ее грехом он, дотошный, мог на протяжении сорока минут разбирать тот грех, чтобы сестра поняла всю его пагубность и в дальнейшем от него уклонялась. Не жалел на это времени – стремился к тому, чтобы человек «не варился» в собственных грехах. С кем-то даже по часу беседовал. Помню, если я допускала ошибку раз, второй, батюшка говорил: «Хорошо, вставай, молиться будем». Где-то минут двадцать он читал молитвы о моем вразумлении. Батюшка в святом углу, и ты вместе с ним на коленочках стоишь и молишься. Его молитва была очень сильной! Моя мама пришла в монастырь по его молитвам. Получилось так: батюшка мне сказал, что следует продать дом, избавиться от него. Я подарила дом сестре. А приезжаю, мама плачет: мол, ни той, ни другой дочери она не нужна. Звоню батюшке и спрашиваю, как быть. Слышу: «Забирай маму в монастырь». Спрашиваю у мамы, согласна ли в монастырь. Она отвечает, что коль батюшка благословляет, то согласна. Сначала ее в инокини постригли, теперь она монахиня. Постриги совершались тоже по благословению батюшки.

А как он однажды меня вразумил, когда я уже была на послушании в Санкт-Петербурге! Хотя я серьезно заболела, но лечиться в больницу не хотела. Думала: преподобный Серафим Саровский молился, и ему Матерь Божия помогла. Буду и я молиться об исцелении! Приезжает отец Петр и говорит: «Батюшка за тебя молится, почему ты не хочешь в больнице лечиться? Ты ведь не преподобный Серафим, чтобы тебя Матерь Божия лечила. Иди-ка ты лечись в больнице!» Я поняла, что батюшка прочитал мои мысли и через ближнего

передал свой наказ.

Иногда я звонила ему и спрашивала, как он. Он мне рассказывал, кто к нему из батюшек и матушек приехал, и говорил, что как струны скрипки настраивают, так и человеческую душу приходится настраивать. За духовными советами к нему многие ездили.

Монахиня Елисавета, насельница Иоанновского монастыря на Карповке:

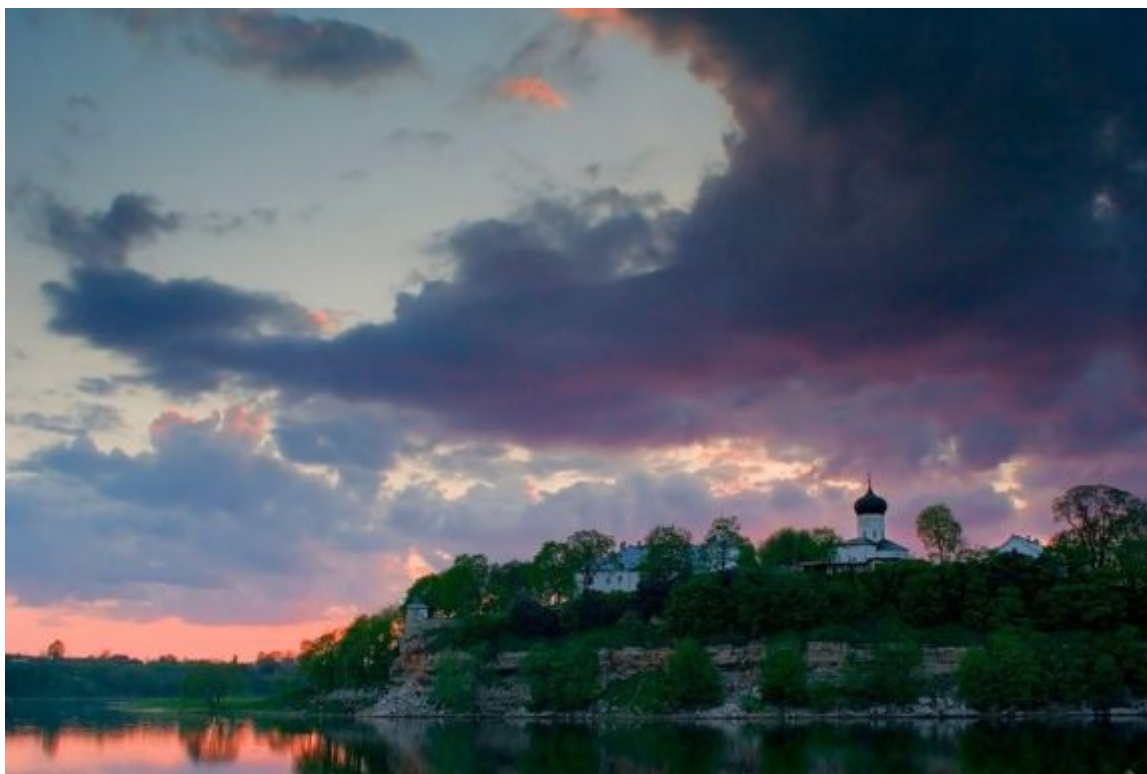
С батюшкой я познакомилась, когда мне было 23 года. Я тогда в церковь ходила, исповедовалась, но удовлетворения не чувствовала – хотелось более глубокой исповеди. Об отце Гермогене и прежде слышала, а тут моя подруга к нему съездила, и после ее рассказа стало ясно: надо к батюшке ехать, чтобы поисповедоваться серьезно и глубоко. И я отправилась в Пюхтицу. У меня была светская профессия, которая не очень соответствовала христианскому образу жизни. Были мысли, что следует ее сменить. Поговорила об этом с отцом Гермогеном, он меня поддержал. По благословению батюшки я стала приходить в Иоанновский монастырь на Карповке, который в то время восстанавливался, и помогать сестрам. Вскоре батюшка благословил мне остаться в монастыре.

Часто я ездила к отцу Гермогену со своей младшей сестрой, чувствуя ответственность за нее. Батюшка постоянно говорил, что она такая хорошая, такая домашняя – ей бы замуж за хорошего человека выйти! И вдруг в 34 года она заболевает раком. Определили первую стадию. Мама в панике. Мы поехали к батюшке втроем. Все трое исповедовались и причастились. Батюшка

благословил нас съездить на святой источник в Камно. Уезжали домой, он сказал, когда лучше делать операцию, и сестра все сделала по его благословию. И такой интересный эпизод: перед отъездом я подхожу к бабушке и говорю, что благодарю его за одно, второе, третье. Стою и перечисляю. А он опять: сестре твоей надо замуж за хорошего человека! Тут операция предстоит, и ты не знаешь, выживет она или не выживет, а бабушка: замуж! Где-то через год после операции сестре захотелось поехать на Святую Землю. В Иерусалиме она остановилась в монастыре, в котором в то время находилась и делегация из Сербии. Познакомилась сестра с православным сербом, стали они переписываться, затем он приехал сюда, сделал ей предложение, попросив при этом ее руки у наших родителей. В 40 лет моя сестра вышла замуж. Ее муж – главный бухгалтер в епархии, она за свечным ящиком стоит. У них прекрасные отношения. Я уверена, что это чудо тоже произошло по бабушкиным молитвам...

У каждой из нас свои, можно сказать, личные воспоминания о бабушке. Я приезжала к нему, наверное, раз в полгода – с накопившимися вопросами. Бабушка, перед тем как меня принять, очень долго молился. Ему нужно было помолиться, чтобы узнать, что человеку сказать. И уже почти перед моим отъездом принимал, выслушивал и говорил, что, допустим, со мной будет, если я поступлю так. Что будет, если я поступлю по-другому. Никакого давления при этом не было. Я чувствовала себя свободным человеком, которому после бабушкиных разъяснений предстоит сделать осознанный выбор. Причем, никогда не уезжала от него в подавленном состоянии. Да, порою бывало страшно рассказывать ему про свои грехи, но он улыбнется, пошутит, и страх отступает. Появлялось такое чувство, будто ты из бани вышел, где тебя хорошенько помыли. С ног до головы. Только это было ощущение чистоты не телесной, а внутренней.

Запомнились бабушкины слова, для чего нужен духовник. Он сказал, что человек исповедуется, потому что хочет побороть свои грехи, увернуться от бесовских нападков и вдруг раз – и его пришили. Будто прикололи к чему-то. Человек обессилел. Духовник должен эту «шпильку» вытащить, чтобы душа могла снова бороться с грехом, сопротивляться ему.

Материал подготовили Екатерина Орлова и Нина Ставицкая

Фото: Владимира Ходакова, а также предоставленные Иоанновским монастырем

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45

Проезд: ст. метро "Петроградская"

Телефон: +7-812-234-24-27